

Соб. Россия, 1987, 14 марта

Штрихи к портрету Валентина Распутина

Прорыв к истине

Тема России была и остается главной в творчестве Валентина Распутина. О книгах и литературной судьбе писателя, лауреата Государственной премии СССР накануне его 50-летия размышляет в своем очерке земляк В. Распутина и товарищ по перу.

Лет двадцать пять назад был опубликован рассказ Валентина Распутина «Я забыл спросить у Лешки», поразивший трагизмом и глубиной раздумий. Утомленные и измученные парни несут по тайге умирающего товарища... Тогда же я познакомился с молодым писателем, и мне показалось: не он ли один из тех парней — так он был молчалив и озабочен, стеснителен и углублен в себя. Но вместе с тем жила в нем какая-то мальчишеская неловкость... Удивительно быстро набирал силу писатель. Росли и обаяние, и теплота, и задушевность его — как человека и как личности. И все же что-то осталось в нем от того прежнего парня.

Пришел к нам В. Распутин не один. Теперь смотришь на этот талантливый отряд писателей, которых называли «деревенщиками», и думаешь: как и писатели шестидесятых — семидесятых годов прошлого века, они пришли с той же решительностью и основательностью. Подлинное слово национальной литературы было сказано о войне. Не эта ли искренняя, горькая и патриотическая книга войны пробудила память наших «деревенщиков», заставила показать истинного движителя жизни, рядового труженика, вскрыть его глубинное родство с землей, с непреходящими национальными чертами. Был совершен прорыв к истине духовной и художественной.

Новопроходцем явился и наш земляк Валентин Распутин. Сильное дарование придало ему смелость — забытое качество писателя. После XXVII съезда партии легко сказать: будь смелым, правдивым, совестливым и честным. Но теперь мы знаем, что правдивое и смелое слово В. Распутина и его сподвижников в известной мере помогло увидеть, как надо обновлять жизнь, какими средствами ис-

коренять лихоимство, равнодушие, душевную опустошенность.

Писатель озабочен не только тем, что уходящий мир надо запечатлеть. Нет, он всей душой за то, чтобы оставить как можно больше для человека из того духовного богатства, которое он насобирал за века, передавал от поколения к поколению и в общечеловеческом и особенно в русском смысле. Духовные потери были велики, они накапливались десятилетиями и вот уже стали бросаться в глаза. Так как же могла не заметить этого совестливая и пытливая душа Валентина Распутина! Народ познается и определяется тем, по каким законам живет его малая ячейка, семья, какие поются песни, играют игры, как сберегается слово, сказки, легенды, среди какой природы складывается его душа, совесть, доброта, вечное подорожье.

Валентину Распутину было 8 лет, когда кончилась Отечественная война. Он не видел сражений, детская память сохранила лишь печаль, замрачение сердца и горькую радость возвращения уцелевших воинов. Этот комок боли, это крушение людское пало на сердце и прихоронилось до времени. Пришло время написать повесть «Живи и помни». Это был новый этап в развитии военной темы, это уже было новое зрение, новый нетронутый пласт. Нет в повести героического, нет крови и грома войны, есть только ее далекое эхо. Но жизнь в этом уголке земли рассмотрена с такой емкостью, тонкостью и достоверностью, так много в ней трагического!

Почти во всех повестях В. Распутина центральным образом стоит женщина — Мария в «Деньгах для Марии», Дарья в «Прощании с Матерой», Анна в «Последнем сроке», Настена в повести «Живи и помни». Да и в рассказах писателя женщина на первом месте. И это вовсе не случайно. За полвека жизни свершился у нас своеобразный «матриархат», когда женщина в семье взяла на себя поле и огород, базар и сенокос, конюшню и коровник. Весь дом, вся судьба дома, семья легла

на женщину. Еще в военное лихолетье жертвенный труд женщины, ее выдержка, высокий дух и неистребимая вера были на уровне подлинного героизма. Это видел и пережил писатель в раннем детстве, когда делил с матерью кусок хлеба, плакал одними с нею слезами, лелеял одну полоску ржи и картофеля — выручку и надежду на избавление от гибели.

Женщина в повестях и рассказах В. Распутина — это всплеск удивления и преклонения перед богатством ее души. Не было, не помню таких старух в нашей литературе, в которых с такой глубиной была бы выражена душа их. Что касается Настены, то из советской литературы приходят на память Анфиса из «Угрюм-реки» и Аксинья из «Тихого Дона». Они чаруют нас женственностью и силой характера, и до поры чего-то было поставить с ними рядом. Но вот пришла Настена. Ни внешней красотой она не пленяет, ни выходкой. Пленяет она нас вековыми русскими чертами, точно и сильно угаданными, до зеркальности и чистоты обрисованными, — такая живет в ней великая ответственность за эту грешную землю.

Сильно и покоряюще слово В. Распутина, оно заставляет верить в идеалы писателя. Помимо точности, ясности, оно несет в себе красоту приангарского говорка. Из него взято все яркое и ценное. Как много нынче попыток углубиться в разговорный язык и как много на этом пути неудач. Они часто видятся, как наряды с чужого плеча, как наспех припущенные побрякушки. В Распутин рос в народной среде, впитывал слово, как говорят, с молоком матери. Он любил эту речь, помня, что идет она из глубины веков и несет в себе коренные, не отмершие понятия. Сила распутинского слова порождает силу мысли, и поэтому мы слышим мудрость в самом слове, пьем ее и наслаждаемся сердцем.

Природа — один из главных героев В. Распутина. Она у него действительна, активна, одухотворена. Вспоминается знаменитый Листвень из повести «Прощание с Матерой». Может, с малых лет жил он рядом с будущим писателем, давал ему тень, укрывал от дождя и холода, был другом и собеседником? Может, он и поведал ему, как голову свою подставлял бурям и грозам и как в последний час грудью своею богатырскую противостоял тупой силе огня и топора. Образ дивного Лиственя — пример страстной борьбы писателя за спасение нашей первоматери Природы.

Именно Распутин, показавший нерасторжимость двух живей — жизни человека и природы, выступил горячим защитником естественных богатств. Непокойное сердце уводит писателя на Байкал и заставляет задуматься о его судьбе, заставляет в Иркутске и в Москве встречаться с учеными. Постепенно складывается строгий взгляд, который он смело высказывает в своих интервью, на страницах газет

и журналов, на радио и телевидении. Гражданин и человек, В. Распутин откладывает в сторону перо художника и бросается в бой за святое дело спасения озера.

Эта борьба, эта открытая схватка за все дорогое на земле подарит писателю силы и новые темы для будущих произведений. Так пришла к читателю повесть «Пожар», где особенно слышно сердце спокойное и возмущенное. Где рассказано о неуютном, безрадостном поселке, о беспыльной жизни людей, забывших, что такое Родина, во имя чего надо жить.

Живет писатель в нашем городе, далеко от Москвы, как многие другие талантливые литераторы, близкие нашему земляку по заботам и мыслям. К нему идут за советом молодые прозаики, дорожат его мнением опытные. Вот что рассказывает о Валентине Григорьевиче молодой, интересно работающий писатель Анатолий Байборodin: «Помогал он и мне, и другим прозаикам, можно сказать, во всех житейских писательских делах, тратя на это много душевных сил и бесценного времени. Конечно, самый нижайший ему поклон от всех нас, хотя сразу же и предвижу, как он посадиво усмехнется этому поклону... Но, помогая начинающим, способствуя изданию работ, заслуживающих того, Валентин Григорьевич, насколько знаю, без всяких церемоний, прямо в глаза, отчитывал нашего брата».

Многим людям на земле довелось в переводе или в оригинале прочитать книги Валентина Распутина, поверить их правде, почувствовать совестливость и доброту их создателя и подивиться из своего далека необыкновенному таланту. Нам, землякам его, повезло: мы живем рядом с ним, гостюем у него или зазываем самого в гости, спорим с ним и соглашаемся, знаем его ироничным и добродушным, гордимся этой близостью и при случае охотно рассказываем людям о нем. Это преимущество и радостное, и опасное — не увлечься бы картинками. Однако не удержусь: мы любим этого человека, счастливы тем, что довелось познакомиться с ним в дороге, слышать от него строгое и поощрительное слово.

Кто не видел и с любовью не оглядывался на человека, крупно шагающего по городу присаженной походкой крестьянина — словно только от плуга или сохи. Похоже, кончил этот человек одну работу на первом поле и полагал на другое, и дорогою обдумывает, с какого угла начать его. Полдороги пройдено. Идут знакомые перелески, за ними новые, вот и дали открываются, и в них заведется родное поле — и душа наливаются новой силой, и в руках чутется серп и тяжелый зернистый сноп, и сердце охватено горячей, радостной заботой. Чем-то еще одарит нас поле Распутина...

Алексей ЗВЕРЕВ.
Иркутск.

Фото А. Князева.